

ПУШКИНСКІЕ ДНИ

ВЪ

ГУБ. ГОР. ВЛАДИМІРЪ.

(26-29 МАЯ 1899 Г.)

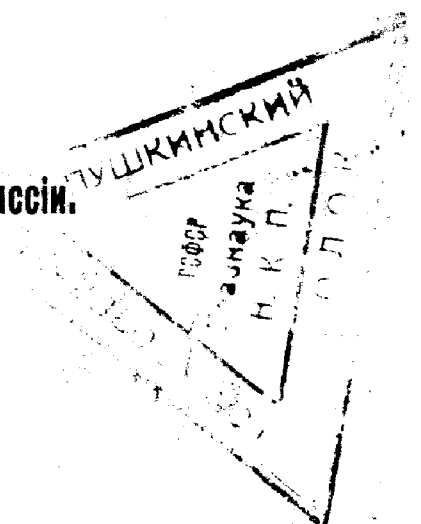
Изданіе Владимірской Ученой Архивной Коммисіи.

Губ. гор. Владиміръ.

Тно-Литографія Губернскаго Правленія.

1899.

II 32
237

ПУШКИНСКІЕ ДНИ

ВЪ

ГУБ. ГОР. ВЛАДИМІРЪ.

(26—29 мая 1899 г.)

338

Изданіе Владимірской Ученой Архивной Комиссіи

Губ. гор. Владиміръ.

Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Пушкинскія празднества	1— 8
Приложенія:	
Вступительная рѣчь, <i>д. ч. Н. А. Маклакова</i>	9—24
Поэзія А. С. Пушкина. Рѣчь <i>д. ч. И. С. Крылова</i>	25—38
Национальное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи А. С. Пушкина. Рѣчь <i>д. ч. В. А. Пузыцкаго</i>	39—58
„На 26-е мая 1899 г.“ Стихотвореніе <i>П. Н. Петровскаго</i>	59—60
„Пророку“. Стихотвореніе <i>его же</i>	60.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммисіи.
Предсѣдатель *Князь Урусовъ*.

ПУШКИНСКІЯ ПРАЗДНЕСТВА

во Владимірѣ.

Въ засѣданіи Владимірской Губернской Ученой Архивной Комиссіи 14-го марта 1899 года, председатель Кн. Н. П. Урусовъ предложилъ Комиссіи взять на себя инициативу чествованія въ губ. г. Владимірѣ памяти поэта А. С. Пушкина по поводу столѣтней годовщины его рожденія и высказалъ ту мысль, что, примкнувъ въ этомъ дѣлѣ къ общеимперскому теченію, Архивная Комиссія выполнитъ первую большую общественную задачу, выпадающую ей на долю и, конечно, встрѣтитъ сочувствіе, поддержку и помощь въ этомъ отношеніи со стороны всѣхъ лицъ дорожащихъ русскимъ просвѣщеніемъ и тѣми великими именами, которыя ему послужили.

Предложеніе Кн. Н. П. Урусова было принято съ горячимъ единодушіемъ и тутъ же была составлена особая „Пушкинская“ Комиссія, которой было поручено выработать программу празднествъ и озаботиться ихъ устройствомъ. Въ эту Комиссію вошли: Е. Б. Островская, Кн. Н. П. Урусовъ, М. М. Леонтьевъ, Е. С. Щербачевъ, Л. И. Навроцкій, Н. Л. Мордвиновъ, И. Н. Могучихъ, Г. С. Канивальскій,

А. Г. Снопко, Н. И. Вороновъ, А. В. Селивановъ, Кн. Н. Н. Стокасимовъ, П. В. Кутанинъ, И. И. Савостинъ, ректоръ Семинаріи отецъ архимандритъ Евгений, А. А. Стрѣльцовъ, А. П. Флеровъ, Д. К. Совѣткинъ, Д. Д. Ивановъ, Н. А. Махлаковъ, В. Т. Георгіевскій, В. А. Ивановъ, Д. В. Позень, В. Г. Добронравовъ, В. А. Пузицкій, И. С. Крыловъ, П. Н. Страховъ, Н. В. Малицкій, А. И. Преображенскій, П. П. Борисовскій, С. К. Шестаковъ и А. В. Смирновъ.

Пушкинская Комиссія тутъ же единогласно избрала изъ своей среды въ свои предсѣдатели Кн. Н. П. Урусова. Такимъ образомъ во главѣ всего дѣла сталъ его инициаторъ, кончившій курсъ въ томъ самомъ Александровскомъ лицее, гдѣ протекли ученическіе годы чествуемаго поэта. Программа Пушкинскихъ дней, установленная подъ его руководствомъ, была выполнена съ успѣхомъ, краснорѣчиво доказавшимъ ея цѣлесообразность и оставившимъ въ памяти мѣстнаго общества свѣтлое воспоминанье, а въ Архивной Комиссіи отрадное сознание съ честью выполненной, добросовѣстно и съ любовью обдуманной, нелегкой задачи.

Празднества начались 26-го мая. Утромъ этого числа во Владимірскомъ Успенскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Преосвященнымъ Платономъ, Епископомъ Муромскимъ, Викаріемъ Владимірскимъ, по окончаніи литургіи, была отслужена, при стройномъ пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ, торжественная панихида по покойномъ поэтѣ. При панихидѣ присутствовали представители всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ правительственныхъ учреждений г. Владиміра, ученицы и ученики всѣхъ учебныхъ заведеній города въ главѣ со своимъ начальствомъ.

Панихида окончилась въ первомъ часу дня, а въ два часа было назначено въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія торжественное засѣданіе Владимірской Ученой Архивной Комиссіи посвященное памяти Пушкина. Залъ, любезно предоставленный въ распоряженіе Комиссіи ея почетнымъ членомъ, Губернскимъ Предводителемъ Дворянства М. М. Леонтьевымъ, принялъ торжественно-праздничный видъ. Предъ портретомъ Государя Императора красовался большой поясной бюстъ А. С. Пушкина, выписанный Комиссіей изъ Москвы отъ магазина Аванцо. Слева отъ него возвышалась каѳедра для лекторовъ съ золоченымъ гербомъ Владимірской губерніи посрединѣ. Какъ бюстъ, такъ и каѳедра утопали въ зелени цвѣтовъ и тропическихъ растений, привезенныхъ изъ оранжерей губернаторскаго дома и Владимірскаго купца В. Н. Муравкина. Зелеными гирляндами были украшены и хоры. По обѣимъ сторонамъ Царскаго портрета бокомъ къ нему и публикѣ были поставлены стулья для гг. Членовъ Архивной Комиссіи. Вдоль же всей длины залы отъ окна къ окну лицомъ къ портрету Государя и бюсту Пушкина были поставлены ряды стульевъ для публики, причемъ первые три ряда были предназначены для дамъ, пожелавшихъ сдѣлать честь Комиссіи почтить ея засѣданіе своимъ присутствіемъ. Входъ въ залъ былъ бесплатный, но по билетамъ, которые раздавались распорядителями празднествъ Кн. Урусовымъ, А. Г. Снопко, П. В. Кутанинымъ, И. И. Савостинымъ, Д. Д. Ивановымъ, Н. А. Махлаковымъ и В. Т. Георгіевскимъ, указанными въ тѣхъ печатныхъ приглашеніяхъ на торжественное засѣданіе Комиссіи, которыя заблаговременно были разосланы ея предсѣдателемъ къ представителямъ всѣхъ клас-

совъ Владимірскаго общества. Для воспитанницъ и воспитанниковъ старшихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній города было предоставлено, въ распоряженіе ихъ начальствъ, 300 входныхъ билетовъ. Въ часть дня публика стала съѣзжаться. При входѣ въ залъ всѣ прибывающіе получали бесплатную программу „Торжественнаго засѣданія Губернской Архивной Коммиссіи 26-го мая 1899 г.“, причемъ дамамъ и членамъ Коммиссіи эта программа предлагалась украшенная портретомъ-копией съ гравюры Уткина и автографомъ великаго поэта.

Торжественное Собраніе было открыто краткой рѣчью непремѣннаго попечителя Архивной Коммиссіи Начальника Губерніи Н. М. Цеймернъ. „Мы собрались сегодня,—сказалъ онъ, обратившись къ публикѣ,—одушевленные одной мыслью, однимъ желаніемъ, которымъ проникнуты теперь всѣ русскіе люди,—желаніемъ достойно почтить память величайшаго изъ писателей земли Русской, поэта А. С. Пушкина, по случаю исполнившагося нынѣ столѣтія со дня его рожденія. Я горжусь честью, выпавшей мнѣ на долю, быть предсѣдателемъ этого почтеннаго собранія мѣстнаго общества и объявить засѣданіе открытымъ“. Конецъ рѣчи г. Начальника губерніи былъ покрытъ народнымъ гимномъ, исполненнымъ совмѣстно хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ и духовымъ оркестромъ вольной Владимірской Пожарной дружины. Гимнъ, выслушанный стоя, былъ покрытъ дружнымъ и звонкимъ ура.

Затѣмъ, подъ искуснымъ управленіемъ своего, знаменитаго во Владимірѣ, регента А. Е. Ставровскаго хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ прекрасно были исполнены: 1) Юбилейная кантата А. С. Пуш-

кину на слова его же „Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“, 2) Гимнъ въ честь А. С. Пушкина на слова Случевского — музыка Главача и 3) „Слава А. С. Пушкину“ — музыка Рубца.

По окончаніи хоровыхъ номеровъ дѣйствительными членами Архивной Коммиссіи были произнесены рѣчи, въ перерывахъ между которыми игралъ прекрасный, въ составѣ 28 человекъ, оркестръ музыки при Ковровскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, специально пріѣхавшій для Пушкинскаго праздника изъ Коврова. Отлично сыгранный и умѣло управляемый его капельмейстеромъ, этотъ оркестръ производилъ прекрасное впечатлѣніе и вносилъ оживляющее разнообразіе въ программу торжественнаго дня.

Первая изъ произнесенныхъ рѣчей—вступительная—была сказана д. ч. Н. А. Маклаковымъ (см. прил. № 1), вторая „О поэзіи А. С. Пушкина“ была произнесена д. ч. И. С. Крыловымъ (прил. № 2) и третья „О національномъ направленіи и религіозномъ настроеніи въ поэзіи А. С. Пушкина“ была сказана д. ч. В. А. Пузицкимъ (прил. № 3). Всѣ три рѣчи были покрыты долгими и дружными аплодисментами.

Послѣ г. Пузицкаго взошелъ на кафедру Предсѣдатель Общества Взаимопомощи учащимъ и учащимся Владимірской губерніи, Товарищъ Прокурора Владимірскаго Окружнаго Суда П. Н. Петровскій и произнесъ написанное имъ стихотвореніе „На 26-е мая 1899 г.“ (прил. № 4). На требованіе со стороны публики его повторенія, г. Петровскій прочелъ второе свое же стихотвореніе, посвященное знаменитому Пушкинскому Пророку.

Стихотвореніями г. Петровскаго и закончилось засѣданіе Архивной Коммисіи.

На слѣдующій день—вечеромъ 27-го мая—состоялся музыкально-драматическій вечеръ съ живыми картинами въ Городскомъ театрѣ. Чистый сборъ съ вечера, въ размѣрѣ 154 руб. 85 коп., былъ уступленъ Владимірскимъ Обществомъ любителей музыкальнаго и драматическаго искусства въ распоряженіе Архивной Коммисіи для увѣковѣченія имени А. С. Пушкина. Назначеніе названной суммы имѣеть быть установлено въ ближайшемъ засѣданіи Архивной Коммисіи.

Программа вечера была такая: 1) Сцена первая изъ „Русалки“. 2) Концертное отдѣленіе, состоявшее изъ музыкальныхъ нумеровъ Даргомыжскаго, Глинки и Чайковскаго, написанныхъ на слова Пушкина. 3) Живыя картины изъ поэмы Пушкина „Полтава“ и изъ „Бориса Годунова“. 4) Сцена въ корчмѣ на Литовской границѣ изъ „Бориса Годунова“. 5) Живыя картины изъ „Бориса Годунова“ и изъ „Евгенія Онѣгина“. Вечеръ закончился блестящимъ апофеосомъ. Бюстъ Пушкина, поставленный на сценѣ и эффектно освѣщенный бенгальскими огнями, вѣнчали лавровыми вѣнками герои и героини его произведеній. Картины, мастерски поставленныя главной устроительницей вечера Е. Б. Островской, прекрасно удалась и на долю исполнителей любителей выпали горячіе и дружные аплодисменты, заставлявшіе не разъ повторять каждый нумеръ программы.

28 мая тотъ же вечеръ былъ повторенъ по той же программѣ, но уже бесплатно, для ученицъ и учениковъ учебныхъ заведеній, которые, по назначенію своего начальства и въ сопровожденіи надзи-

рательницъ и надзирателей, были размѣщены во всемъ театрѣ. Въ антрактахъ игралъ духовой оркестръ вольной Пожарной Владимірской дружины.

29 мая въ томъ же театрѣ происходили для ученицъ и учениковъ учебныхъ заведеній бесплатныя чтенія съ туманными картинами. Въ чтеніи приняли участіе членъ Губернской Земской Управы Г. А. Смирновъ, Инспекторъ Городского училища В. Н. Орлеанскій и учитель Городского училища г. Тихоміровъ. Программа чтеній была обстоятельная и интересная. Слушателямъ были прочитаны біографія поэта и отрывки изъ многихъ избранныхъ его произведеній, сопровождавшіеся цвѣтными иллюстраціями на экранѣ. Въ перерывахъ между чтеніями игралъ оркестръ Пожарной дружины.

30 мая въ томъ же театрѣ были устроены бесплатныя чтенія съ такими же картинами для народа. Трудъ чтеній любезно приняли на себя Г. А. Смирновъ, Ѳ. А. Смирновъ и учителя Городскихъ училищъ г. Тихоміровъ и г. Корепановъ. Всѣмъ посѣтившимъ въ этотъ день театръ бесплатно выдавались на память избранныя сочиненія Пушкина выписанныя Архивной Коммисіей.

Таковы были Пушкинскіе дни во Владимірѣ, организованные Владимірской Архивной Коммисіей и протекшіе подъ неустаннымъ и энергичнымъ наблюденіемъ и руководствомъ ея предсѣдателя Кн. Н. П. Урусова.

Благодаря городу, предоставившему въ распоряженіе Коммисіи 200 руб., и Губернскому Земству, ассигновавшему 160 руб. на устройство въ городѣ празднествъ, Коммисія нашла, однако, возможнымъ ознаменовать память Пушкина не только чтеніями

и картинами. Она приобрѣла на 298 руб. 71 коп. 1000 экземпляровъ избранныхъ сочиненій Пушкина и 200 экземпляровъ полного собранія сочиненій чествуемаго поэта. Эти книги были розданы народу на чтеніи 30 мая и всѣмъ ученицамъ и ученикамъ городскихъ училищъ. Ученицы же и ученики училищъ городскихъ, а также Мальцевскаго Ремесленнаго и Женскаго Епархіальнаго, кончающіе въ нынѣшнемъ году курсъ, въ количествѣ 170 человекъ, получили отъ Коммисіи по одному экземпляру полного собранія сочиненій Пушкина. Кромѣ того, 30 экземпляровъ того же полного собранія сочиненій были разосланы Коммиссіей въ 30 бесплатныхъ народныхъ читаленъ губерніи.

Таково было распространеніе въ губерніи и городѣ печатныхъ памятниковъ творчества Пушкина, приуроченное къ знаменательнымъ Пушкинскимъ днямъ во Владимірѣ и проведенное Владимірской Ученой Архивной Коммиссіей на средства города и губернскаго земства.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

Д. Ч. Н. А. МАКЛАКОВЫМЪ.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!

Шюпенгауэръ въ своихъ „Парерга“ говоритъ: „Писателей можно подраздѣлить на падающія звѣзды, планеты и неподвижныя звѣзды. Первыя производятъ мгновенный эффектъ: на нихъ обращаютъ вниманіе, но прошло мгновеніе—и онѣ исчезли. Вторыя—кометы и планеты держатся уже значительно дольше. Онѣ блестятъ, хотя просто только въ силу своей близости, часто ярче неподвижныхъ звѣздъ и невѣжды смѣшиваютъ ихъ съ послѣдними. Но и онѣ вскорѣ должны бывать очиститъ мѣсто и къ тому же свѣтятъ слабымъ свѣтомъ, а кругъ ихъ вліянія на своихъ спутниковъ ограниченъ. Онѣ блуждаютъ и смѣняются—ихъ удѣлъ обращеніе въ теченіе немногихъ лѣтъ. Только третьи неизмѣнны, прочно держатся на тверди, свѣтятъ своимъ свѣтомъ, одинаково имѣютъ вліяніе во всѣ времена, ибо ихъ значеніе не измѣняется съ переменю точекъ зрѣнія. Онѣ не принадлежатъ, какъ тѣ другія, какой-либо системѣ, но цѣлому міру. Но именно въ силу высоты ихъ положенія свѣтъ ихъ, большею

частью, требует многих лѣтъ, чтобы сдѣлаться видимымъ обитателямъ земли“.

И, дѣйствительно, въ отношеніи оцѣнки духовнаго величія человѣка имѣетъ мѣсто законъ обратный физическому: физическую величину разстояніе уменьшаетъ—духовному величію придаетъ большіе размѣры.

Много десятковъ лѣтъ протекло со дня смерти Пушкина.

И вотъ сегодня, въ знаменательный день столѣтней годовщины его рожденія, вся Россія, въ самыхъ отдаленныхъ ея углахъ, чествуетъ его память. Этотъ величественный праздникъ національнаго поклоненія просвѣтителю подвигу поэта—служить лучшимъ доказательствомъ того, что свѣтъ генія Пушкина—этой крупнѣйшей „неподвижной звѣзды“ на нашемъ родномъ небосклонѣ—дошелъ до народнаго сознанія, ярко озарилъ его. Слава Пушкина медленно поднималась и крѣпла, подобно дубу, растущему изъ сѣмени, но за то, гордо разросшись, она такъ и уйдетъ отъ насъ въ безконечную глубь вѣковъ съ своей могучей кудрявой головой, высоко вознесшейся надъ суетливыми волнами житейскаго океана. Намъ суждено сегодня быть очевидцами того грандіознаго апофеоса всенародной благодарности къ памяти поэта, которымъ увѣнчалась эта слава.

Владимірская Губернская Ученая Архивная Комиссія, взявъ на себя инициативу чествованія памяти Пушкина во Владимірѣ, преисполнена тѣхъ же искреннихъ чувствъ къ безсмертному имени поэта, которыя волнуютъ сегодня всю грамотную Русь. Но есть область въ дѣятельности Пушкина, которая

особенно близка Архивной Комиссії, есть заслуги, которыя для нея имѣютъ особый специальный интересъ.

Въ темной келіи Чудова монастыря, глубокой ночью, передъ мирно теплящейся лампадой старый Пимень Пушкинскаго „Бориса Годунова“ съ трогательной простотой ума и сердца, съ неподражаемой прелестью исторической правды произноситъ:

„Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
„Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
„Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
„И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
„Правдивыя сказанья перепишетъ“.

Въ этихъ немногихъ словахъ выражены задачи и цѣли и Владимірской Архивной Комиссії. Недавно засвѣтила она свою лампаду и, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, стала работать надъ вѣковымъ архивнымъ матеріаломъ губерніи, воскрешать картины прошлаго въ губерніи по тѣмъ архивнымъ дѣламъ, которыя рисовали когда-то это прошлое какъ настоящее.

Пушкинъ работалъ когда-то надъ архивнымъ матеріаломъ. Онъ изучалъ лѣтопись и увлекался исторіей.

Да будетъ же мнѣ позволено въ торжественномъ засѣданіи нашего молодого учрежденія остановиться на этой сторонѣ вопроса—наиболѣе родной Архивной Комиссії—помянуть о томъ значеніи для Русской литературы, которое имѣли интересъ Пушкина къ нашему историческому прошлому и любовь его къ занятіямъ надъ его воскрешеніемъ.

Въ 1824 году судьба бросила Пушкина въ село Михайловское. Тѣ два года, которые онъ про-

вель здѣсь, ознаменованы яркимъ поворотомъ въ направленіи его творчества. Глухая Псковская деревня, новыя картины родного быта и природы охватили Пушкина новымъ роємъ глубокихъ впечатленій. Духъ тогдашняго времени—байронизмъ, который подобно рѣзкому восточному вѣтру продувалъ насквозь—отпалъ отъ Пушкина, какъ маска, какъ только онъ окунулся въ здоровую жизнь деревни. Здѣсь онъ весь отдался историческому чтенію. „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина увлекла его воображеніе въ родную даль уснувшихъ вѣковъ, а историческіе романы Вальтеръ Скотта и историческія хроники Шекспира навѣяли на него новое настроеніе.

Это увлеченіе Пушкина исторіей подарило Россіи нѣсколько литературныхъ жемчужинъ. Я не буду перечислять ихъ всѣхъ, не возьму на себя также смѣлости останавливаться на ихъ разборѣ. Я постараюсь лишь отмѣтить въ самомъ характерѣ процесса его творчества въ этой области наиболѣе типичныя и крупныя моменты.

Ихъ два:

1. Созданіе Бориса Годунова, какъ работы художественно-исторической, начатой въ 1825 г. и вышедшей изъ печати лишь 1 января 31 года. Историческія занятія Пушкина носили здѣсь лишь прикладной, подготовительный характеръ,—и

2. Написаніе исторіи Пугачевского бунта, изданной имъ уже позднѣе, въ 1833 году, и представляющей собой строго историческую, архивную монографію. Тутъ занятія Пушкина исторіей представляютъ собой для него уже конечную цѣль саму по себѣ. Историческій трудъ интересуетъ его здѣсь уже *an sich und für sich*.

Точка отправленія Пушкина при созданіи Бориса Годунова—перваго его крупнаго произведенія, приступивъ къ которому онъ перешелъ на путь исторіографіи—была, по его собственнымъ словамъ, такая: „воскресить одинъ изъ минувшихъ вѣковъ во всей его истинѣ“. И онъ пошелъ къ этой цѣли твердыми шагами. Совершенно отрѣшившись отъ лирическихъ увлеченій, Пушкинъ обнаружилъ въ этомъ произведеніи высшее творчество въ изображеніи отдаленныхъ историческихъ временъ.

Вотъ какъ самъ онъ отзывался объ этомъ произведеніи, о которомъ говорилъ, что это „тотъ его трудъ, который любимъ имъ болѣе всѣхъ“. „Я могу сказать о моемъ сочиненіи, что *c'est une oeuvre de bonne foi*. Писанная въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія и т. д.“ И то добросовѣстное изученіе и постоянный трудъ, на которые онъ указываетъ—для самобытности его таланта особенно типичны. Посвятивъ свое безсмертное произведеніе „драгоценной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина“ какъ „трудъ, гениемъ его вдохновенный“—Пушкинъ слѣдовалъ тексту Карамзина однако не безусловно. Онъ усердно сличалъ его съ тѣми обильными выписями изъ лѣтописей, которыя приложены въ примѣчаніяхъ къ исторіи Государства Россійскаго. „Карамзину, пишетъ Пушкинъ, слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій, въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени... Трудъ мой былъ ревностный

и добросовѣстный“. Это исканіе исторической правды, исканіе—особенно близкое сердцу Архивной Комиссіи—духа русской жизни описываемой эпохи въ первоисточникѣ, въ лѣтописи, положило на Бориса Годунова неизгладимую печать. Правда историческая, смѣло сочетавшись подъ перомъ поэта съ художественной правдой, произвела во всей теоріи драмы, поскольку это касалось развитія происшествій—цѣлый переворотъ и навѣки погребла ложно-классическія формы старой драматической системы. А что касается „языка тогдашняго времени“, то, постигнувъ тонъ древнихъ лѣтописцевъ и проникшись его духомъ, Пушкинъ первый далъ намъ тотъ языкъ, которымъ говорили Русскіе до Петровской эпохи. Этому языку собственно Русская драматическая литература не знала до Пушкина, не понимала и не искала. Въ „Годуновѣ“ Пушкинъ заговорилъ имъ и его художественная кисть нигдѣ не взяла невѣрнаго тона, но представила вѣрный очеркъ вѣка со всѣми его красками, со всѣми особенностями его колорита.

Пока мы близко стоимъ передъ крупнымъ произведеніемъ мозаики—намъ трудно бываетъ распознать изображенные предметы и нельзя рассмотреть ни ихъ значенія, ни ихъ красоты. И то и другое выступаютъ только изъ нѣкотораго отдаленія. Тоже случилось и съ „Борисомъ Годуновымъ“. Онъ не сразу встрѣтилъ хорошій приѣмъ. „Кривые толки, пишетъ Бар. Розенъ Шевыреву въ Москву, косые взгляды; шиканье, дурацкій смѣхъ вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времена Петрарки и Тассо былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія“. Но прошло всего 14 лѣтъ и Бѣлинскій писалъ о Борисѣ слѣдующее: „Словно

гигантъ между пигмеями до сихъ поръ висится между множествомъ „quasi—русскихъ“ трагедій Пушкинскій Борисъ Годуновъ въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величій строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты“. И въ наши дни нѣтъ уже болѣе нужды говорить о достоинствахъ этого творенія Пушкина. Весь міръ оцѣнилъ его. Всѣ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ понимаютъ, что это „что-то громадное, колоссальное, никогда небывалое, никѣмъ непредчувствованное“.

Такъ возникла историческая трагедія Пушкина и такъ было заложено основаніе знакомства Пушкина съ лѣтописями. Правда, это знакомство было отрывочно. Оно ограничивалось первоначально изученіемъ лишь выписокъ, приложенныхъ къ исторіи Государства Россійскаго, но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается безспорнымъ: въ тихомъ уединеніи сельца Михайловскаго творческое вниманіе Пушкина стало останавливаться на историческихъ первоисточникахъ, а интересъ къ древней жизни родины съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сталъ привлекать къ себѣ его талантъ.

Въ 31 году „Годуновъ“ появился въ печати, а въ 32 году Пушкинъ уже просилъ дозволенія заняться историческими изслѣдованіями въ архивахъ и бібліотекахъ для собиранія матеріала для исторіи Петра Великаго и его преемниковъ до Петра III. Эта широкая новая задача, намѣченная себѣ Пушкинымъ, рисуетъ степень роста его интереса къ историческимъ трудамъ, а самый характеръ постановки подготовительныхъ работъ является вторымъ моментомъ въ развитіи историческаго творчества Пушкина.

Пушкинъ усердно отдается кропотливой архивной работѣ и въ архивахъ, лично выбирая все для себя необходимое, изучаетъ документы, относящіяся къ царствованію Петра. Случайно попавшіеся на его глаза матеріалы изъ исторіи Пугачевского бунта увлекли его и, временно прекративъ работу надъ исторіей Петра, Пушкинъ весь предается собиранію матеріала по Пугачевщинѣ. Біографы Пушкина свидѣтельствуютъ о томъ, какъ интенсивны были его архивныя занятія и какъ они утомляли его. Проводя лѣто 1833 года на Черной рѣчкѣ, Пушкинъ ежедневно ходилъ оттуда пѣшкомъ въ архивы и не только физически, но и умственно утомлялся до изнеможения. И въ это время онъ вырастаетъ передъ нами въ совѣмъ новомъ свѣтѣ. Поэтъ превращается въ архивиста-историка, съ жаромъ изучающаго документы интересующей его эпохи, добросовѣстно и съ любовью собирающаго научный фундаментъ для тѣхъ литературныхъ зданій, которыя онъ воздвигалъ потомъ съ дивнымъ мастерствомъ гениальнаго художника.

Въ занятіяхъ исторіей Пугачевского бунта добросовѣстность Пушкина въ изображеніи исторической жизни, его горячее и щепетильное стремленіе къ творческой правдѣ—особенно ярко сказались. Онъ не удовольствовался однимъ архивнымъ матеріаломъ,—его глаза не нашли въ немъ всѣхъ оттѣнковъ мѣстной жизни. И вотъ, готовясь къ изданію „Исторіи Пугачевского бунта“, онъ испрашиваетъ разрѣшенія проѣхать въ тѣ мѣстности, гдѣ прошла волна Пугачевского движенія и гдѣ время своей безошадной рукой еще не успѣло совѣмъ замести слѣды современниковъ его героя. „Здѣсь, пишетъ

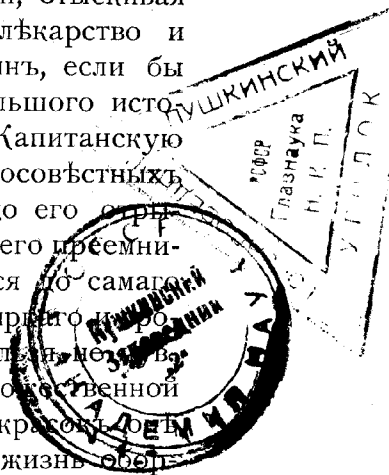
Пушкинъ къ женѣ изъ Казани, я возилъ со стариками, современниками Пугачева, объѣзжалъ окрестности, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и былъ очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту страну“.

Пушкинъ не избѣгъ, однако, въ свое время упрека въ томъ, что его исторія Пугачевского бунта отрывочна и неполна. Но, какъ алхимики, отыскивая золото, открыли порохъ, фарфоръ, лѣкарство и даже законы природы, такъ и Пушкинъ, если бы его изысканія и не представляли бы большого историческаго значенія,—подарилъ Россіи „Капитанскую дочку“, возникшую на почвѣ его добросовѣстныхъ архивныхъ трудовъ. Что же касается до его отрывочныхъ замѣтокъ изъ эпохи Петра и его преемниковъ, изученіемъ которой онъ занимался до самаго года своей смерти, замѣтокъ полныхъ яркаго и глубокаго интереса—нельзя не понять, нельзя не уважать, какъ много исторической, художественной правды, какое море біографическихъ красокъ обѣщали. Прележдевременно пресѣкшаяся жизнь обрѣвала ихъ въ ихъ началѣ...

Таковы были историческія занятія Пушкина.

Геній всегда остается гениемъ, въ какой бы отрасли умственной дѣятельности онъ ни сталъ проявляться. Вода остается водою со всѣми присущими ей свойствами: отражаетъ ли она, какъ мирно дремлющее озеро свои берега, или, пѣнясь низвергается съ утесовъ, или, наконецъ, при помощи искусства, брызжетъ вверхъ высокимъ столбомъ. Все это зависитъ лишь отъ внѣшнихъ причинъ.

Пушкинъ, предавшись историческимъ занятіямъ, остался Пушкинымъ. Его усердная и добросовѣстная

подготовительная работа,—при глубокомъ пониманіи духа національной стихіи,—дополненная личнымъ ознакомленіемъ съ мѣстами, гдѣ протекло и развилось то или другое историческое событіе, и освѣщенная изученіемъ не успѣвшихъ оторваться отъ памяти еще живыхъ очевидцевъ преданій—не можетъ не быть признана тѣмъ образцомъ постановки дѣла, къ которому должна стремиться всякая исторіографія, предъ коимъ преклонится всякая голова дорожающая историческими интересами.

Я позволю себѣ сказать теперь два слова о значеніи этихъ трудовъ.

„Что для индивидуума разумъ, говоритъ Шопенгауэръ, то для человѣческаго рода исторія“. Какъ складъ разума у разныхъ лицъ бываетъ различенъ, такъ отличается другъ отъ друга своимъ характеромъ и исторіографія. Разумъ можетъ быть отвлеченъ, можетъ, напротивъ того, мыслить преимущественно образами. Можно понимать прошлое, хорошо выяснитъ всѣ цѣпи причинъ и дѣйствій, вѣрно подвести историческіе итоги, начертать точный историческій скелетъ событій и лицъ. Съ другой стороны можно дать этому скелету плоть и кровь, нарисовать повѣствуемія событія съ яркой наглядностью очевидца, а дѣйствующихъ лицъ представить во всей силѣ историческаго реализма. Насколько въ первомъ случаѣ требуется трезвый умъ, настолько во второмъ необходимо могучее воображеніе, покоящееся на истинномъ пониманіи самаго духа національной исторіи, необходимо то творческое вдохновеніе, которое Пушкинъ опредѣлялъ такъ: „Расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатленій и соображенію понятій, а, слѣдственно, и къ объ-

ясненію оныхъ“. Этотъ послѣдній родъ исторіографіи—быть можетъ въ научномъ смыслѣ и уступаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ первому роду, но въ смыслѣ популяризаціи историческаго прошлаго, въ смыслѣ широты площади его распространенія въ массахъ и легкости его усвоенія—онъ значительно превосходитъ этотъ послѣдній.

„Подъ благозвучіе, пишетъ Гоголь, какъ подъ колыбельную прекрасную пѣсню матери убаюкивается народъ—младенецъ еще прежде нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно сами собой стихаютъ и умираютъ его дикія страсти. Оно также бываетъ нужно, какъ въ храмѣ куреніе кадильное, которое уже невидимо настраиваетъ душу къ слушанію чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе“. Отсюда ясно, какъ художественно-историческія произведенія Пушкина, писанныя чуднымъ языкомъ его неподражаемой чеканки, легко воспринимаются памятью и какъ—духъ изложенныхъ событій и существенныя ихъ черты, порождаемая этимъ духомъ, остаются въ ней неизгладимы.

Народъ—какъ національное понятіе—только благодаря исторіи получаетъ сознаніе о самомъ себѣ. Поэтому на исторію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на разумное самосознаніе человѣческаго рода. А разъ это такъ, то значеніе широко и легко усвояемаго историческаго повѣствованія, облеченнаго въ увлекательную художественную форму и дающаго ясное и живое созерцаніе духа народной жизни въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ его основы—громодно и неизмѣримо. Молчаливое и необъятное море національной мысли, которое глубоко таится въ народной

думѣ—находитъ себѣ выраженіе и разгадку въ правдивомъ, какъ время, говорѣ умершихъ столѣтій. Національная душа крѣпнетъ и закаляется подъ этотъ говоръ въ вѣкахъ завѣщенномъ направленіи и сознательно сживается съ нимъ.

„Пушкинъ, писалъ о немъ Гоголь, есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ 200 лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ, отразились въ такой чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла“. Художественная историографія писанная такимъ человѣкомъ высокая, колоссальная заслуга предъ національнымъ самосознаніемъ народа.

„Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ, въ сельской школѣ“ пишетъ С. А. Рачинскій. „Его творчество это всемогущій талисманъ сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсныя предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль“. И по мѣрѣ того, какъ распространяется въ Россіи грамотность, какъ множатся на ея необозримомъ пространствѣ сельскія школы и училища—ростетъ и значеніе просвѣтительнаго подвига Пушкина въ дѣлѣ служенія національной идеѣ.

Вотъ то значеніе, которое имѣютъ для Россіи историческія произведенія Пушкина.

И такъ много сдѣлавъ для своей родины, для ея жизни, Пушкинъ, при своей собственной жизни, много выстрадалъ на ея груди.

„Въ то время какъ обыкновенному человѣку, говоритъ Шопенгауэръ, сила его ума и таланта служить фонаремъ освѣщающимъ его путь, человѣку гениальному—не фабричному товару природы, производимому ею ежедневно тысячами—она служитъ солнцемъ освѣщающимъ міръ“. Озаряя свѣтомъ своего гения человѣчество, свой собственный жизненный путь люди гениальные проходятъ, большею частью, довольно неискусно. Они въ большинствѣ случаевъ въ практической жизни оказываются такъ же мало пригодны, какъ телескопъ въ театрѣ. „Ихъ житейская, практическая неудачливость, говоритъ Шопенгауэръ, является какъ бы грамотой на благородство гениевъ“.

Тоже было и съ Пушкинымъ. Сильно возроставшая матеріальная запутанность, долги, обусловливавшіеся его широкой, свѣтской жизнью въ Петербургѣ при ограниченности его средствъ, немолчныя тяжелыя думы о судьбѣ дѣтей въ случаѣ ранней его смерти, зависть ничтожныхъ людей, доносы, отвратительный чадъ самыхъ гнусныхъ сплетенъ, которыя проникали въ глубь его семейнаго очага, анонимныя письма и пасквили—измучили Пушкина, привели его въ то болѣзненно-тревожное настроеніе, которому не суждено было пройти безслѣдно.

„Chacun a les défauts de ses vertus“ говоритъ Ж. Зандтъ. Впечатлительность Пушкина, острая чувствительность и сила рефлексовъ подарившія такъ много литературѣ—личную жизнь поэта пресѣкли роковой и жестокой развязкой.

На славу имѣютъ право лишь исключительныя личности: она пріобрѣтается лишь необыкновенными дѣлами. Честь, напротивъ того, принадлежитъ всѣмъ

и каждый имѣть на нее право. Волею судьбы Пушкинъ завоевавшій себѣ вѣчную славу безсмертными заслугами передъ своей родиной—умеръ отстаивая свою честь, умеръ боясь потерять то, что по рожденію принадлежало ему и что не могло быть у него отнято.

29-го января 37 года Пушкина не стало. Онъ умеръ такъ, какъ жилъ: истинно русскимъ человекомъ. Жизнь его оборвалась едва успѣвъ сложиться, угасла тогда, когда творческая и политическая зрѣлость его только приняли свой укладъ. Много недопѣтыхъ пѣсень, много произведеній, всю цѣну которыхъ трудно себѣ даже представить—онъ унесъ съ собою въ могилу, въ Святогорскій монастырь близъ родного Михайловскаго, близъ того „милаго предѣла“, гдѣ ему „хотѣлось почивать“ и гдѣ онъ мирно покоится вѣчнымъ непробуднымъ сномъ...

Какъ ослѣпительное, грѣющее солнце, Пушкинъ давно закатился за нашъ историческій горизонтъ и чѣмъ дальше уходитъ онъ отъ насъ за него, тѣмъ выше и выше поднимается надъ землей его слава и гений, тѣмъ глубже въ чистой лазури неба теплыми, мягкими, ясными тонами играютъ и свѣтятся его прощальные, послѣдніе лучи.

Мы не можемъ не приписать имъ неземного происхожденія, не можемъ не узнать въ нихъ небеснаго огня. И долго, долго—если нѣтъ на свѣтѣ ничего вѣчнаго—этотъ огонь будетъ озарять нелегкій путь російскаго просвѣщенія, путь русскаго національнаго роста въ духѣ и истинѣ историческихъ завѣтовъ и этотъ свѣтлый реальный міръ Пушкинскаго творчества „міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла“,

какъ называетъ его А. С. Рачинскій, долго будетъ манить къ себѣ и очаровывать русскую душу, русскій умъ и сердце, какъ въ убогихъ деревенскихъ избушкахъ, куда только заглянетъ лучъ грамотности, такъ и въ свѣтлыхъ храмахъ науки и во дворцахъ Государей.

Заканчивая свою рѣчь, я, въ заключеніе, остановлюсь на слѣдующемъ случайномъ, но счастливомъ совпаденіи, въ которомъ судьбѣ угодно было проявить свое участіе въ чествованіи свѣтлой памяти нашего поэта.

Въ 1815 году Пушкинъ, еще только начинавшій жить, писалъ съ твердой вѣрой взирая на будущее:

„Ты нашъ, о Русскій царь! Оставь же шлемъ
стальной

„И грозный мечъ войны, и щитъ, ограду нашу;
„Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
„И, брани сокрушивъ могущею рукой,
„Вселенну осѣни желанной тишиной!
„И придуть времена спокойствія златя,
„Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленя,
„Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
„Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
„По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изошренный;
„Суда летучія, торговлей окриленны,
„Кормами разсѣкутъ свободный океанъ“ и т. д.

И голосъ всей Россіи, дружно поминающій добрымъ словомъ славное имя Пушкина, голосъ народной благодарности къ нему, звучащій въ эти знаменательные дни во всѣхъ концахъ его необъятной родины, сливается, волею судьбы, съ тѣми мирными рѣчами въ Европѣ, въ Гаагѣ, которыя раздаются во имя всесвѣтнаго мира по высокому почину Дер-

кавнаго Правнука того Императора, которому уже
лабѣющія уста отходящаго въ вѣчность поэта тро-
ательно желали „счастія въ Его сынѣ, счастія въ
Его Россіи“....

Да будетъ же Гаагская конференція, какъ бы
зоплотившая въ себѣ, хотя и случайно, практиче-
ское осуществленіе горячихъ мечтаній юнаго Пуш-
кина, однимъ изъ тѣхъ духовныхъ, нерукотворныхъ
памятниковъ поэту, которые воздвигаетъ ему чело-
вѣческая культура такъ быстро выросшая со дня
Его кончины и такъ многимъ Пушкину обязанная.

О поэзіи А. С. Пушкина.

(ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ).

(Рѣчь дѣйствит. члена И. С. Крылова).

М. м. г. г.!

Сегодня, 26-го мая, минуло ровно сто
лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго
поэта, Александра Сергѣевича Пушкина.

Никто изъ насъ не станетъ уди-
вляться, почему мы собрались сюда, по-
чему вся Россія такъ дружно, какъ одинъ
человѣкъ, чествуетъ память того,

„чья муза до конца

„добрѣ и красотѣ не измѣняла“...., Плещеевъ.

кто, по собственному выраженію,

„долго будетъ народу тѣмъ любезенъ,

что чувства добрыя онъ лирой

пробуждалъ...

и милость къ падшимъ призывалъ“. „Памятникъ“.

Всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о
Пушкинѣ, то общее мнѣніе таково, что
Пушкинъ первый далъ нашей литературѣ
высшее художественное развитіе, Пуш-

кинъ—поэтъ-художникъ, поэтъ красоты, или „эстетической стороны дѣйствительности“, поэтъ дѣйствительности русской, поэтъ народный. И дѣйствительно, съ этими опредѣленіями нельзя не согласиться.

Чѣмъ же объяснить такое разнообразіе въ опредѣленіяхъ? Другими словами, какъ объяснить направленіе дѣятельности Пушкина въ связи съ предшествующей эпохой?

Для этого вспомнимъ, каковъ былъ ходъ въ исторіи развитія русской исторіи и русской литературы, какъ онѣ успѣли сложиться къ началу 19 вѣка.

Если мы прослѣдимъ исторію развитія русской жизни, мы увидимъ, какъ сильно пробуждена была она, какъ ясно было ея направленіе—національное, какъ ярко начала проявляться мысль объ общественномъ самосознаніи.

Это надобно сказать особенно относительно эпохи царствованія императора Александра I-го. Возникаютъ оживленные толки объ освобожденіи крестьянъ, принимаются опыты законодательной реформы, учреждаются министерства.

Является, кромѣ того, рядъ переводовъ европейскихъ сочиненій по вопросамъ общественнымъ, издаются журналы, возникаютъ правительственные органы.

Съ другой стороны, смотря на развитіе литературы, мы видимъ, что произ-

веденія однихъ писателей изображаютъ русскую дѣйствительность, произведенія другихъ замѣтно уже дошли до пониманія художественной правды.

Такъ, напр., въ произведеніяхъ Карамзина, особенно въ его такъ называемыхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, мы видимъ изображеніе русской общественной жизни, жизни культурнаго русскаго класса не въ сатирической или иной какой формѣ, а такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности.

Произведенія Жуковскаго, напр., не носятъ уже на себѣ отпечатка выдуманности, рисовки, какъ произведенія ложноклассиковъ, они не имѣютъ цѣлей поученія въ той или другой формѣ, какъ произведенія сентиментальныя, — они суть изліянія его сердца. Поэзія Жуковскаго тѣсно связана съ его жизнью, она однообразна, но глубоко правдива: поэтъ говоритъ лишь о томъ, что чувствуетъ, чѣмъ самъ глубоко страдаетъ.

Наконецъ, нужно еще указать на отдѣльный фактъ, весьма важный, именно на отечественную войну.

Современники отечественной войны не могли остаться внѣ ея вліянія, которое сказалось въ пробужденіи патріотизма, надежды на то, что Россія, освободивши себя и Европу отъ деспотизма Наполеона, начнетъ свое внутреннее перерожденіе на началахъ либеральныхъ идей вѣка. Это же

великое событіе должно было произвести глубочайшее впечатлѣніе на умы и пробудить интересъ къ національной жизни.

Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ нужно было, чтобы всѣ эти отдѣльныя понятія слились, чтобы эти національныя, литературныя и общественныя стремленія, явившіяся въ началѣ 19 стол., нашли себѣ извѣстныхъ, опредѣленныхъ, талантливыхъ выразителей.

И дѣйствительно, одновременно возникла оживленная журнальная и литературная дѣятельность.

Однимъ изъ первыхъ, наиболее виднымъ представителемъ литературы и яркимъ выразителемъ идей своего вѣка и является А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ вполне самостоятельно отнесся къ своимъ предшественникамъ въ родной и иностранной литературахъ. До него наша литература свѣтила свѣтомъ, заимствованнымъ отъ литературы западно-европейской: она была то ложноклассической, то сентиментальной, то романтической.

Пушкинъ лишь въ одномъ личномъ вдохновеніи, озаренномъ просвѣщеніемъ вѣка, находилъ перлы своей поэзіи.

Поэзія Пушкина впервые явилась голосомъ самосознанія, выраженіемъ и орудіемъ распространенія собственныхъ убѣжденій въ области искусства, первую худо-

жественною проповѣдью благородныхъ, гуманныхъ, либеральныхъ идей вѣка. „Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ при жизни—представителемъ типа гуманнаго развитія въ свою эпоху, примѣромъ человека, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство и всю жизнь обнаруживалъ неустанную энергію въ проповѣди справедливыхъ, честныхъ отношеній между людьми, за что и подвергался часто обвиненію въ безпокойномъ либерализмѣ,—который, наконецъ, всею душой постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденного всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи“. Слова эти достаточно, кажется, знакомятъ насъ съ личностью Пушкина, какъ человека-гражданина. Мы видимъ, каковы его общественные и политическіе взгляды, узнаемъ, что изъ либерала онъ дѣлается весьма умѣреннымъ, серьезнымъ сторонникомъ самобытнаго развитія Россіи. Этимъ, несомнѣнно, слѣдуетъ объяснять то, что Пушкинъ первый глубоко проникся сознаниемъ общественнаго значенія литературы: на каждый вопросъ въ современной жизни Россіи готовъ былъ отвѣтъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Оттого-то поэзія Пушкина есть поэзія правды и русской дѣйствительности, той правды, которая ограничивалась у Жуковского тѣснымъ кругомъ интимности.

Анненковъ.

Для Пушкина задача поэзии была не въ развлеченіи празднои скуки, не въ томъ, чтобы быть „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“: онъ видѣлъ въ ней органъ для голоса общественной совѣсти.

Поэтъ—это пророкъ, которому Богъ заповѣдалъ, „обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей“. Онъ, какъ божій избранникъ, долженъ вѣрить въ свое чело-вѣческое достоинство, потому что божество вложило въ его душу болѣе другихъ людей способность постигать все высокое въ мѣрѣ внѣшнемъ и нравственномъ. Чтобы исполнить данную Богомъ заповѣдь, поэтъ-пророкъ долженъ вращаться среди людей, долженъ заботиться о просвѣщеніи массы, подмѣчая ея слабыя стороны и недостатки, долженъ смягчать сердца, закоренѣлыя въ грубыхъ предразсудкахъ и невѣжествѣ,—словомъ, долженъ служить обществу.

Многіе, на основаніи собственныхъ словъ Пушкина, высказанныхъ въ стих. „Чернь“, могутъ не согласиться съ только что указаннымъ назначеніемъ поэта.

„Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“,
говоритъ поэтъ,—иными словами: поэзія сама себѣ цѣль, другихъ цѣлей не имѣетъ и не должна имѣть; ея удѣлъ—забота о себѣ, о своихъ красотахъ; общественное служеніе, подобно корысти, всякимъ жи-

тейскимъ мелочнымъ интересамъ, унижаетъ высокое достоинство поэзіи.

Видимое противорѣчіе исчезаетъ, если мы скажемъ, что здѣсь Пушкинъ говоритъ относительно самаго процесса созданія поэтическихъ произведеній. Т. е. въ минуты вдохновенья, когда поэтъ творитъ свое произведеніе, когда онъ погружается въ собственный мѣръ, тогда все постороннее для него не существуетъ: онъ созерцаетъ только свою идею, имѣетъ только одну цѣль—воплотить эту идею въ поэтическіе образы, придать ей художественный характеръ,—тогда поэзія—сама себѣ цѣль. Въ это время поэтъ возвышается надъ уровнемъ толпы, онъ самостоятеленъ, слушается только своего внутренняго голоса—божественнаго вдохновенья и пренебрегаетъ интересами толпы.

Когда же созданіе его кончено, когда поэтъ сходитъ съ своего жреческаго треножника, когда созданное имъ твореніе распространяется въ массу, тогда оно перестаетъ уже существовать само для себя, быть цѣлью самому себѣ, тогда поэтъ, становясь какъ бы учителемъ и просвѣтителемъ челоуѣчества, выполняетъ волю Бога, сказавшаго ему:

„И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“.

Съ другой стороны, стих. „Чернь“ имѣетъ болѣе частный характеръ, чѣмъ принято думать.

Подъ *черню* поэтъ имѣеть въ виду не простой крѣпостной народъ, за котораго онъ полагалъ всю свою душу; не къ нему, не къ этой черни, непросвѣщенной, невѣжественной, но въ то же время скромной, обращены были поэтомъ сильныя обличительныя слова:

„Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!“

Эти слова могли быть обращены лишь къ тѣмъ, кого дѣйствительно не могъ оживить „лиры гласъ“. Это—чернь литературная, небольшой кружокъ русскихъ читателей, разные „записные аристархи“ (Булгаринъ, Гречъ). Можетъ быть, Пушкинъ имѣеть здѣсь въ виду свое начальство и сослуживцевъ въ пребываніе на югѣ, когда ему приходилось терпѣливо выслушивать нелѣпыя замѣчанія относительно его поэтическихъ трудовъ и даже самаго занятія поэзіей, какъ дѣломъ ненужнымъ, лишнимъ.

Такимъ образомъ, эти два взгляда на поэта и его служеніе, какъ видимъ, вполне совмѣстимы, не противорѣчатъ другъ другу и служатъ продолженіемъ и расширеніемъ одинъ другого.

Пушкинъ какъ нельзя лучше доказалъ въ своихъ произведеніяхъ справедливость своего взгляда на поэтическое

творчество. Онъ всецѣло отдавался изображаемому предмету.

Надѣленный даромъ прозрѣнія, просвѣтленный, поэтъ какъ бы проникалъ въ тайную сущность предмета, и предметъ съ необыкновенной ясностью отражался въ его творческой фантазіи, какъ въ зеркалѣ, и съ такою же отчетливостью отпечатлѣвался на бумагѣ.

Въ произведеніяхъ Пушкина каждая мысль, каждое движеніе души такъ ясно и полно представляется читателю, какъ видѣть самъ поэтъ окомъ „пробудившагося орла“.

Вотъ почему между идеей поэта и словеснымъ ея выраженіемъ заключается полная гармонія, между поэтомъ и читателемъ нѣтъ ничего не досказаннаго; вотъ чѣмъ объясняется красота и высочайшее эстетическое наслажденіе, какое доставляютъ намъ поэтическія созданія Пушкина.

Какъ великій художникъ, Пушкинъ съ одинаковой силой и глубиной изображалъ челоуѣка русскаго и нерусскаго, событія и характеры русской жизни современной и древней и жизни другихъ народовъ,—словомъ, онъ обладалъ „всемирной отзывчивостью“.

„На все откликнулся онъ, какъ звучное эхо, съ которымъ онъ себя сравнивалъ.... И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо!.... Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ—грекъ, на Кавказѣ—вольный

Гоголь.

горець, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышитъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу—онъ русскій весь съ головы до ногъ“....

Чѣмъ же объяснить эту многосторонность и отзывчивость поэта?

Достоевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ называетъ это способностью „реинкарнаціи своего духа въ духъ чужихъ народовъ“. Это есть способность усвоенія духа той страны, того народа, что поэтъ беретъ предметомъ своего произведенія.

Въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ Пушкинъ проникнуть высшей степенью гуманности.

Это чувство доброжелательства обусловливается тѣмъ оптимистическимъ настроеніемъ, которое составляло отличительную черту характера самого Пушкина. Въ своихъ элегіяхъ, напр., онъ никогда не предается отчаянію: его грусть, грусть души молодой и крѣпкой, всегда сильно и глубоко дѣйствуетъ на читателя. Онъ всегда найдетъ утѣшеніе въ чемъ-либо, мрачныя мысли его всегда завершаются свѣтлымъ аккордомъ, потому что онъ непоколебимо вѣрилъ въ торжество добра, правды и красоты и неустанно заботился о водвореніи этихъ началъ на землѣ.

Въ душѣ человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, всегда есть что-нибудь свѣтлое,

доброе; но это свѣтлое часто бываетъ затемнено пороками и уклоненіями отъ идеала. Поэтъ подмѣчаетъ это доброе и раскрываетъ красоту человѣческой души и затѣмъ уже показываетъ читателю слѣды нравственной красоты въ своихъ герояхъ, тѣмъ самымъ пробуждая въ душѣ его чувство состраданія и скорби.

Вотъ предъ нами русскій баричъ начала 19-го вѣка—Евгеній Онѣгинъ. Обезпеченный матеріально, онъ получилъ модное воспитаніе, твердо изучилъ только одну науку „страсти нѣжной“, но не приобрѣлъ ни любви, ни охоты къ какому-либо серьезному труду, за все брался и ко всему скоро охладѣвалъ. Въ молодости онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на легкое дѣло, какъ на безконечный рядъ однихъ удовольствій, и, рано пресытившись жизнью, сталъ скучать, предался хандрѣ. Отъ своей душевной пустоты онъ надѣлалъ много глупостей и безсознательнаго вреда ближнимъ.

Но и съ такими, повидимому, неблагоприятными качествами, Онѣгинъ вполне заслуживаетъ сочувственнаго отношенія къ нему. Онъ, безспорно, человѣкъ умный, искренній. Подъ его искусственно-холодною наружностью кроется прямая, честная душа, не чуждая лучшихъ, благородныхъ движеній сердца, и томящаяся лишь отъ пустоты и бездѣтельности.

Тутъ же симпатичная, „милая“ Татьяна Ларина, этотъ „типъ положительной красоты, апофеоза русской женщины“, по выраженію Достоевскаго,—дѣвушка идеальная, мечтательная и искренняя, вѣрная чистымъ внушеніямъ своего сердца во всю свою жизнь, чуткая къ интересамъ всѣхъ ее окружающихъ лицъ.

Бѣлинскій.

Въ „Полтавѣ“ предъ нами является величавая личность Петра Великаго, этого „творца бывшаго и настоящаго величія Россіи“, прямого, энергичнаго, безконечно вѣрующаго въ успѣхъ своихъ предпріятій, глубоко преданнаго Россіи, великодушнаго и грознаго героя на полѣ битвы.

И мы гордимся имъ, какъ человѣкомъ могущественнымъ, высокимъ, прославившимъ и возвеличившимъ Россію.

Бѣлинскій.

Это—„путеводная звѣзда русскаго народа, благодаря которой Россія будетъ всегда идти своей настоящей дорогой къ высокой цѣли нравственнаго, человѣческаго и политическаго совершенства“.

А рядомъ съ нимъ Мазепа, гордый и коварный себялюбецъ, мстительный старикъ, стремящійся подъ личиной общаго блага и славы отечества къ личному благополучію.

А вотъ и замѣчательно даровитый и ловкій, легкомысленный, „безъ царя въ ловѣ“, авантюристъ—Гришка Отрепьевъ,

тѣнь царевича Димитрія, страшная гроза Бориса Годунова.

И онъ подкупаетъ насъ своей храбростью, необыкновенной находчивостью и своимъ умомъ; онъ искренно жалѣетъ о павшихъ въ сраженіи воинахъ, онъ любитъ поэзію.

Однимъ словомъ, Пушкинъ, при высококомъ и глубокомъ пониманіи задачъ душевно-чистаго поэта, при благородномъ и вполне честномъ направленіи своей поэтической дѣятельности, а также при сознаніи своихъ силъ, справедливо ставилъ себѣ въ заслугу то, что „чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ и милость къ падшимъ призывалъ“.

Всѣ вышеуказанные и многіе другіе поэтическіе образы есть въ то же время и образы этическіе и въ своей совокупности заключаютъ неистощимый запасъ добра, справедливости и красоты. Вотъ почему поэзія Пушкина имѣетъ огромное нравственно-воспитательное значеніе.

„Чтеніе Пушкина“, говоритъ Бѣлинскій, „должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ.... Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ

на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ.... Придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“.

Соч. Бѣлинск.,
ч. II, стр. 65;
399 изд. Сув.
Д. Б.

Съ своей стороны мы можемъ съ увѣренностью сказать, что великій критикъ, лучший истолкователь поэзіи Пушкина, былъ правъ. Надежды его сбываются: съ каждымъ годомъ любовь молодого поколѣнія къ Пушкину растетъ все больше и больше, творенія Пушкина и въ цѣломъ и разсѣянные въ хрестоматіяхъ по частямъ являются краеугольнымъ камнемъ въ воспитаніи, развитіи и образованіи каждаго человѣка, и память о Пушкинѣ, любовь къ нему будутъ жить въ народѣ до тѣхъ поръ,

„доколь въ подлунномъ мірѣ
живъ будетъ хоть одинъ пѣить“.

Национальное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина.

(Рѣчь дѣйств. члена В. А. Пузицкаго).

М. м. г. г.!

Нынѣ вся Россія единодушно чтитъ память великаго поэта, свѣтлый геній котораго принесъ всѣмъ намъ столько радости, утѣхи и наслажденія, далъ такъ много простыхъ уроковъ человѣческой мудрости, пробудилъ столько добрыхъ чувствъ.

Многовѣковая наша древняя исторія завѣщала намъ тѣ главныя начала, которыми и понынѣ живетъ русскій народъ. Въ природѣ Пушкина глубоко залегли тѣ особенности русскаго духа, которыя отличаютъ насъ, какъ народъ, отъ другихъ племенъ. Богато одаренный духовными началами, Пушкинъ въ своихъ дивныхъ твореніяхъ воплотилъ ихъ въ художественные образы. Я укажу на двѣ самыхъ важныхъ, самыхъ существенныхъ черты въ его творчествѣ—национальное направленіе и религіозное настроеніе въ его поэзіи.

Въ произведеніяхъ Пушкина отражаются существенныя свойства русскаго народа. По этимъ

своимъ всѣ мы, русскіе, состоимъ въ родствѣ между собою, образуемъ одинъ народъ, отличающійся отъ другихъ націй. Еще проживая на югѣ Россіи, Пушкинъ глубоко тайлъ въ себѣ начала народныя, хотя и не совсѣмъ ясно сознавалъ ихъ. Отдавшись тамъ всецѣло увлеченію байронизмомъ, Пушкинъ, по его собственному признанію, сходилъ съ ума отъ Байрона. Подъ вліяніемъ чтенія произведеній Байрона, онъ впадалъ въ мрачное настроеніе, отражавшееся въ его мелкихъ стихотвореніяхъ. Къ таковымъ произведеніямъ слѣдуетъ отнести 2 стихотворенія, написанныя въ это время на югѣ Россіи: „Погасло дневное свѣтило“ и „Я пережилъ свои желанья“. Въ этотъ краткій байроническій періодъ творчества было создано нѣсколько поэмъ и мелкихъ стихотвореній. На всѣхъ этихъ произведеніяхъ лежитъ печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона. Лучшей поэмой считается „Цыгане“. Въ ней съ особенною силой проявились слѣды вліянія Байрона. Въ главномъ героѣ этой поэмы—Алеко—нѣтъ никакой національной окраски, нѣтъ ничего русскаго, ибо самый типъ героя сложился подъ вліяніемъ произведеній англійскаго поэта. И несмотря на это, Пушкинъ безсознательно болѣе сочувствуетъ другому типу этой поэмы, старику-цыгану, человѣку спокойному, простому, благодушно относящемуся къ жизни,—словомъ, обладающему тѣми свойствами, которыя присущи русскому человѣку. Въ этомъ сказались русская природа поэта, его стремленія къ народнымъ началамъ, которыя и въ ту пору, т. е. въ періодъ самаго сильнаго увлеченія гениемъ Байрона, отличали нашего поэта отъ англійскаго. Различіе мировоззрѣній обоихъ поэтовъ всего яснѣе обнаружилось въ ихъ отношеніяхъ къ Наполеону.

Въ своей одѣ, полной лишь одного негодованія къ павшему властителю, Байронъ съ уничтожающею безпощадностію осуждаетъ развѣнчаннаго завоевателя, называетъ его презрѣннымъ ничтожествомъ, злымъ духомъ для человѣчества. Не такъ относится къ Наполеону, недавнему врагу Россіи, Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Наполеонъ“, написанномъ въ годъ смерти Наполеона (1821 г.). Нашъ поэтъ правдивымъ голосомъ выразилъ въ этомъ произведеніи высокія патріотическія чувства русскаго человѣка и въ то же время сочувственно отнесся къ судьбѣ павшаго великана. Великодушно забывая все зло, слѣланное Россіи Наполеономъ, Пушкинъ проявилъ къ нему благороднѣйшія чувства, не позволяеть себѣ никакого злорадства, не издѣвается надъ развѣнчаннымъ величіемъ, находитъ, что за всѣ свои дѣянія онъ уже претерпѣлъ судьбъ удары:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ;

примиряется съ Наполеономъ, бывшимъ злѣйшимъ врагомъ Россіи, и приглашаетъ предать прошлое забвенію, начертить слово прощенія на его надгробномъ памятникѣ:

И путникъ слово примиренія
На ономъ камнѣ начертить.

Нашъ поэтъ считаетъ низкимъ дѣлать упреки умершему и заранѣе выражаетъ свое негодованіе на всякаго, кто позволилъ бы себѣ издѣваться надъ памятью „изгнанника вселенной“:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день

Безумнымъ возмутить укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Въ выраженіи такихъ чувствъ сказалась черта русскаго человѣка—великодушіе.

Какимъ незлобіемъ, высокимъ національнымъ чувствомъ вѣетъ, напр., отъ стихотворенія Пушкина „Пиръ Петра Великаго“. Въ царскомъ домѣ пиръ, по всему городу и Невѣ раздаются клики, пальба пушекъ. Какое же радостное событіе случилось? Царь прощаетъ вину своему подданному:

Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну
И въ чело его цѣлуетъ
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Укажемъ на другія черты нашего характера. Извѣстно, что русскій человѣкъ не падаетъ духомъ въ бѣдѣ, онъ не способенъ предаваться унынію и отчаянію—это не въ его характерѣ. Въ пѣснѣ „Гореваньице“ народъ поетъ: „въ горѣ жить—не кручинну быть“. И въ элегическихъ произведеніяхъ Пушкина, какъ и въ его жизни, ярко отразилась эта русская черта. Какъ много невзгодъ и огорченій пришлось пережить нашему поэту въ его скитальческой жизни! Онъ такъ жалуется самъ на свою судьбу:

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...

Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой преданъ нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

Свѣтлая натура поэта не допускала однако пессимизму всецѣло овладѣть имъ, предаваться унынію и отчаянію, и какъ ни тяжела была ему подчасъ „печаль минувшихъ дней“, но онъ не жалѣетъ о томъ, что живетъ, не стремится къ уничтоженію, но хочетъ жить хотя бы для того, „чтобы мыслить и страдать“, и питаетъ надежду, что жизнь дастъ ему не мало отрады „среди горестей, заботъ и тревоженія“:

Порой опять гармоніей уныюсь,
Надъ вымысломъ слезами ободьюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный,
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Въ самыя трудныя минуты жизни поэтъ находилъ примиреніе въ самой жизни и не предавался унынію. Въ „Посланіи къ Овидію“ Пушкинъ самъ о себѣ сказалъ:

„Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
но понимаю ихъ“.

Сохранились трогательные рассказы его ближайшихъ друзей о томъ, что они были 2 раза въ теченіе всей жизни поэта свидѣтелями его слезъ. Интересно припомнить эти случаи, характеризующіе его, какъ истинно-русскаго человѣка. Въ первый и послѣдній разъ увидѣлъ одинъ изъ друзей Пушкина на лицѣ его слезы. Дѣло было такъ. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ появилось стихотвореніе поэта Языкова—Посланіе Денису Васильевичу Давыдову, извѣстному герою Отечественной войны.

Въ присутствіи друзей Пушкинъ сталъ читать это стихотвореніе и не могъ сохранить душевнаго спокойствія. Вотъ тѣ 2 строфы, которыя вызвали слезы у великаго нашего поэта, такъ горячо любившаго родину. Въ одной—Языковъ взываетъ къ Россіи, которую, какъ только Наполеонъ вступилъ на русскую землю, уже было признали безсильною и немощной:

Чу! труба продребезжала!
 Русь! тебѣ надменный зовъ!
 Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
 Всѣ нашествія враговъ!
 Созови отъ странъ далекихъ
 Ты своихъ богатырей,
 Со степей, съ равнинъ широкихъ,
 Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
 Отъ осми твоихъ морей!

Въ другой строфѣ авторъ изображаетъ безпримѣрное въ исторіи самопожертвованіе русскаго народа—жители покидаютъ свою первопрестольную столицу, предавъ ее огню:

Пламень въ небо уцирая,
 Лють пожаръ Москвы реветъ.
 Златоглавая, святая,
 Ты ли гибнешь? Русь! впередъ!
 Громче буря истребленья!
 Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
 Это жертвенникъ спасенья,
 Это пламя очищенья,
 Эю фениксовъ костеръ!

И дѣйствительно, у кого изъ русскихъ не дрогнетъ сердце при чтеніи этихъ строкъ! Пламенно любя Россію, ея скромную природу и страданію

исторію, Пушкинъ, какъ истинный сынъ земли Русской, не могъ, конечно, равнодушно относиться къ ея судьбамъ. Всегда правдивый въ выраженіи своихъ чувствъ, поэтъ искренно и не разъ высказывалъ чувства глубокой любви къ родинѣ:

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
 Святая Русь! отечество! я твой!
 Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряжаю
 Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
 Онъ мнѣ родной!..

Два чувства давно близки къ намъ,
 Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
 Любовь къ родному пепелищу,
 Любовь къ отечскимъ гробамъ.

„Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ“.

Въ другой разъ свидѣтелями слезъ поэта были лицейскіе его товарищи. Последнее собраніе лицейскихъ, въ которомъ участвовалъ Пушкинъ, происходило 19-го октября 1836 года. Придя на лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился передъ товарищами въ томъ, что прочтетъ стихотвореніе неоконченное, и сталъ читать его; но едва произнесъ первые 2 стиха:

„Была пора: нашъ праздникъ молодой
 Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался“,

какъ голосъ его оборвался, слезы брызнули изъ глазъ поэта, и онъ, закрывъ лицо руками, бросился на диванъ... Стихотвореніе было дочитано товарищемъ. Грусть, какъ мрачное предчувствіе, овладѣла

поэтомъ на послѣднемъ лицейскомъ праздникѣ и, къ ужасу всей Россіи, не обманула его: чрезъ 3 мѣсяца его не стало...

Простота, смиреніе повсюду отличаютъ русскаго человѣка; большинство героевъ Пушкина являются смиренными, удивительными въ простотѣ своей русскими людьми, какъ старики Гриневы, Мироновы, Татьяна и др.

Слѣдуетъ указать еще на одну черту творчества Пушкина, гений котораго, по словамъ Достоевскаго, всеміренъ и всечеловѣченъ, и поэзія котораго имѣетъ для русскаго народа пророческое значеніе. Безпристрастные критики, основательно знакомые съ литературами европейскихъ народовъ, единогласно говорятъ, что изящнѣе твореній Пушкина нѣтъ ни въ одной литературѣ; нашъ поэтъ, какъ художникъ, не знаетъ соперника въ мірѣ. Охотно соглашаясь съ лестнымъ для нашего поэта мнѣніемъ авторитетныхъ критиковъ, могу указать на не менѣе важную черту его твореній—необыкновенную благожелательность его поэзіи. Трудно отыскать у какого-либо другого поэта такое самоотверженіе чувствъ, какое мы находимъ у нашего поэта. Въ выраженіи своихъ чувствъ Пушкинъ остается высоконравственнымъ, въ высшей степени благожелательнымъ. Вспомнимъ, напр., его извѣстное стихотвореніе, переложенное, кстати сказать, на музыку и нынѣ часто распѣваемое подъ аккомпанементъ рояли:

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Послѣдній стихъ по высотѣ выраженного въ немъ чувства не имѣетъ себѣ равныхъ въ литературахъ ни древнихъ ни новыхъ народовъ.

Въ глубинѣ души Пушкина, повторяю, всегда таились народныя начала, которыя усилились и проявились въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ онъ сблизился съ народной жизнью и природой, „постигъ таинства русскаго духа и міра“ и вполне проникся народными началами, которыя уже не покидали его въ теченіе всей жизни. Одаренный дивною чуткостью ко всему прекрасному, сумѣвшій проникнуть въ самую глубину національнаго духа, поэтъ изобразилъ нашу историческую старину и быть современнымъ; онъ явился изобразителемъ дворянскаго сословія и поэтому простого народа, къ которому онъ относился всегда сочувственно,—словомъ, изобразителемъ всего русскаго народа. Онъ былъ гениальнымъ выразителемъ всего лучшаго, что живетъ въ душѣ русскаго,—выразителемъ его здоровой мысли и нравственнаго чувства. Изображая русскую дѣйствительность, современную и отошедшую въ исторію, Пушкинъ влиялъ на наше народное самопознаніе, явился главнымъ зиждителемъ русскаго національнаго самосознанія: русскіе люди, какъ и русская природа, явились у него въ ихъ внутренней правдѣ; обрисовано простое величіе простыхъ людей, напр. семейство Мироновыхъ въ повѣсти „Капитанская дочка“. Правдивостію запечатлѣны типы его творчества. Кто не узнаетъ русскихъ, изображенныхъ имъ какъ

въ крупныхъ произведеніяхъ: драмѣ „Борисъ Годуновъ“, романѣ „Евгеній Онѣгинъ“, упомянутой повѣсти „Капитанская дочка“ и др., такъ и мелкихъ: „Деревня“, „Бѣсы“, „Осень“ и др. Въ этихъ твореніяхъ поэтъ ярко выразилъ бытъ, воззрѣнія и убѣжденія русскаго народа. Русскіе люди здѣсь являются простыми, добрыми, съ кроткимъ сердцемъ и здравымъ смысломъ. Даже въ своемъ паденіи эти люди остаются вѣрными основамъ своей души: Достоевскому нужно было прожить цѣлые годы въ Сибири, среди каторжниковъ, чтобы увидѣть въ нихъ людей; между тѣмъ Пушкинъ, только въ силу гениальнаго проникновенія своего въ натуру русскаго человѣка, сумѣлъ отыскать „искру Божію“ въ ближайшихъ друзьяхъ и приверженцахъ Пугачева—они являются у него людьми простыми, добрыми и по-своему честными. Даже въ злодѣѣ—Пугачевѣ, въ его свѣрѣпой душѣ Пушкинъ подмѣтилъ слѣды добрыхъ человѣческихъ свойствъ—чувство благодарности по отношенію къ Гриневу и порывы великодушія (Пугачевъ, напр., выражаетъ негодованіе, когда узналъ, что обижаютъ сироту)—и тѣмъ пробуждаетъ въ насъ доброе чувство состраданія къ падшимъ людямъ. Какъ правъ былъ поэтъ, когда говорилъ:

Чувства добрыя я лирой пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Такъ глубоко умѣлъ поэтъ заглянуть въ народную душу—онъ первый замѣтилъ все величіе русскаго духа, всю своеобразность нашего быта, всю нравственную красоту простыхъ русскихъ душъ, и просто, также по-русски, изобразилъ ихъ въ своихъ великихъ твореніяхъ.

Перехожу къ другой чертѣ творчества Пушкина—религіозному настроенію въ его поэзіи.

Обыкновенно біографы Пушкина говорятъ, что религіозное настроеніе начинаетъ проявляться у него въ послѣдніе годы, на 34-мъ году его жизни. Это не совсѣмъ точно. Слѣдовало бы установить взглядъ на это болѣе правильный, ближе къ дѣйствительности. Слѣды религіознаго настроенія въ его творествѣ можно отыскать гораздо раньше. Поэтъ только избѣгалъ выражать его. По свойству своей природы онъ долго таилъ въ себѣ свои лучшія чувства, и чѣмъ святѣе было для него чувство, тѣмъ глубже оно лежало въ душѣ поэта и тѣмъ рѣже пробивалось въ свѣтъ:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.

На 22-мъ году жизни въ Кишиневѣ Пушкинъ любилъ читать Библию, и уже въ это время его творчество не было чуждо религіознаго настроенія. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, напр., стихотвореніе „Птичка“, написанное имъ 13 мая 1822 г. въ Кишиневѣ.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

На 23-мъ году Пушкина занималъ вопросъ о значеніи Церкви въ Россіи. „Греческое вѣроисповѣданіе“, писалъ онъ въ это время, „отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ, русскимъ, особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и Божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашею исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ“. Пушкинъ питалъ непоколебимую „вѣру въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства—православія и монархизма“. Эти мысли и убѣжденія юнаго, 22-хъ-лѣтняго Пушкина сдѣлались нынѣ достояніемъ всякаго образованнаго русскаго человѣка.

На 24-мъ году жизни, проживая въ Одессѣ, поэтъ всякій разъ, какъ овладѣвала имъ буря страстей, искалъ защиты въ чтеніи Священнаго Писанія, которое доставляло ему много отрады.

Въ михайловскомъ уединеніи, съ 24 по 26 годъ, поэтъ съ сердечнымъ умиленіемъ читалъ Св. Писаніе, изучалъ Четыри-Минеи и Прологъ. Подъ вліяніемъ такихъ занятій Пушкинъ въ это время выработалъ себѣ высокій опредѣленный взглядъ на назначеніе поэта, высказанный имъ въ стихотвореніи „Пророкъ“— проповѣдуя Божественную истину и безконечную

любовь, „жечь глаголомъ сердца людей“ и тѣмъ призывать ихъ къ жизни болѣе высокой:

И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и вземли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

Возвратившись въ 1829 году съ Кавказа, Пушкинъ выражалъ мысль, что Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ. „Что дѣлать съ черкесами?“ спрашиваетъ поэтъ и самъ даетъ такой отвѣтъ: „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія“.

Замѣчательнъ отзывъ его объ Евангеліи: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!“

Въ томъ же году Кавказъ производитъ сильное впечатлѣніе на поэта. Монастырь на горѣ, какъ бы вознесенный къ небу, поражаетъ Пушкина и вызываетъ у него религіозное одушевленіе. Полный

поэтического стремления душою удалиться отъ низменныхъ предѣловъ скучной земли, поэтъ восклицаетъ въ концѣ стихотворенія „Монастырь на Казбекѣ“:

Далекій, возжелѣнный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ,
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Посѣтивъ въ 29 году Царское Село, Пушкинъ въ стихотвореніи „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ переживаетъ тѣ чувства, которыя явились у него при воспоминаніи о лицейскихъ годахъ. Какъ много несогласнаго съ духомъ истины и правды пришлось ему пережить во время 12-ти лѣтней разлуки съ роднымъ для него Царскимъ Селомъ. Онъ утомленъ „въ безплодномъ вихрѣ суеты“, его мучитъ грустное чувство неудовлетворенной совѣсти; сердце его горитъ раскаяньемъ, онъ уподобляетъ себя Евангельскому блудному сыну:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкой тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ понижею главой!
Такъ отрокъ Библии—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Пушкину, какъ видно, приходилось нерѣдко переживать тяжелыя минуты нравственной апатіи. Подъ вліяніемъ такихъ трудныхъ минутъ поэтъ высказываетъ мрачныя воззрѣнія на жизнь. Безотрадное

чувство, близкое къ отчаянію, онъ выразилъ въ известномъ стихотвореніи „26-го мая 1828 года“, написанномъ въ день его рожденія:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебною властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Митрополитъ московскій, высокопреосвященный Филаретъ, который высоко цѣнилъ талантъ и личность Пушкина, случайно, во время посѣщенія одного семейства въ Москвѣ, прочелъ это стихотвореніе, попросилъ его себѣ и написалъ возраженіе на эту элегію:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своею властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взводновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просій сквозь сумракъ думъ—
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Стихотвореніе Святителя московскаго дошло до Пушкина. Поэтъ съ глубокимъ умиленіемъ прочелъ отзывъ добраго, кроткаго пастыря Церкви, почувствовалъ свое заблужденіе и отвѣтилъ однимъ изъ вдохновеннѣйшихъ своихъ произведеній, знаменитыми стансами:

Въ часы забавъ иль празднои скуки,
 Бывало, лирѣ я моей
 Ввѣрять изнѣженные звуки
 Безумства, лѣни и страстей.
 Но и тогда струны лукавой
 Невольно звонъ я прерывалъ,
 Когда твой голосъ величавый
 Меня внезапно поражалъ.
 Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.
 И нынѣ съ высоты духовной
 Миѣ руку простираешь ты,
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.
 Твоимъ огнемъ душа палима,
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ ссерафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Въ этомъ стихотвореніи, особенно въ послѣдней строфѣ, можно видѣть характеръ и направленіе поэзіи Пушкина въ зрѣлыя его годы: мрачное воззрѣніе на жизнь, безотрадное чувство безнадежности являлись у поэта временно, вѣра же проникала сердце его неизмѣнно и глубоко:

Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;

Души тоскующей отрада,
 Тамъ упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ...
 Бесѣдуя съ оставленной душой,
 О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
 Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
 И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.

На 33 году жизни религиозное чувство охватываетъ поэта еще глубже и сильнѣе. Въ трудныя минуты жизни (а онѣ бывали у него очень часто) онъ находилъ успокоеніе и утѣшеніе въ чтеніи Св. Писанія, въ заучиваніи текстовъ и молитвъ, наиболѣе исполненныхъ высокою поэзіи. Такѣ занятіе имѣло влияние и на творчество его. Съ этого времени религиозное настроеніе уже въ болѣе сильной степени проявляется въ литературной дѣятельности поэта. Что глубоко въ душѣ его лежало, то позже и возшло. Идетъ цѣлый рядъ глубокихъ духовныхъ стихотвореній, который завершается переложеніемъ всѣмъ извѣстной великопостной молитвы Ефрема Сирина, написаннымъ 22 іюля 1836 г., ровно за полгода до смерти поэта:

Отцы, пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжить невѣдомою силою:
 „Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;

Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшеня,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденя,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи“.

Всѣ эти произведенія, созданныя въ теченіе длиннаго періода лѣтъ, говорятъ намъ о томъ, куда стремилась душа поэта и направлялась мысль въ зрѣлые его годы. Правда, Пушкину приписываютъ много стихотвореній, недостойныхъ его славнаго имени; нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, принадлежатъ ему.

Вольныя и невольныя заблужденія своей юности Пушкинъ искупилъ цѣною искренняго и глубокаго раскаянія. Друзья поэта свидѣтельствуютъ, что всю жизнь онъ раскаивался въ своемъ легкомысленномъ отношеніи къ дару слова, этому „высшему подарку Бога человеку“; юношескія, легкомысленныя стихотворенія, незрѣлые плоды его творчества, часто не давали ему покоя, терзали его совѣсть. Онъ и самъ говорилъ объ этомъ:

Когда на память мнѣ невольно
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрогаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ.
 Къ чему несчастный я стремился?
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ лира, лира! что же ты
 Мою безумство разгласила?
 Ахъ, если бь Лета поглотила
 Мои летучія мечты!

Такимъ образомъ, повинуюсь „вѣлѣнью Божьему“, Пушкинъ, проникнутый глубокимъ патріотизмомъ, въ своихъ вдохновенныхъ твореніяхъ выразилъ драгоценнѣйшіе для русскаго народа завѣты, нашу глубокую привязанность къ народнымъ началамъ, ко всѣмъ лучшимъ народнымъ чертамъ, отличающимъ насъ отъ всѣхъ другихъ націй; „языкомъ сердца“ онъ выразилъ наши чувства и думы; просвѣтленною мыслью, окомъ генія онъ провидѣлъ наше будущее и съ пророческою пронизательностію указалъ на всемірно-историческое призваніе русскаго народа. Пушкинъ первый глубоко задумался надъ славянскими племенами, первый обратилъ вниманіе на меньшую славянскую братію. Онъ всеобъемлющимъ сердцемъ понялъ тѣсную духовную связь между русскимъ народомъ и остальными славянскими племенами и словомъ вѣщимъ указалъ на вѣрное (уже теперь оправдываемое тяготѣніемъ славянскихъ племенъ къ Россіи) ближайшее предназначеніе великаго русскаго народа — достигнувъ духовнаго единенія между всѣми славянскими племенами, образовать одну великую всеславянскую семью, подъ водительствомъ русскаго народа, какъ сохранившаго наиболѣе добрыхъ чертъ, присущихъ славянину. Великій поэтъ-патріотъ въ глубинѣ души своей чувствовалъ, что русскій народъ долженъ быть живой и творческой силой среди славянскихъ племенъ; глаголомъ вдохновеннымъ онъ высказывалъ это и питалъ глубокое убѣжденіе, что настанетъ нѣкогда день, когда „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“. Пушкинъ выразилъ безпредѣльную преданность русскаго народа православной вѣрѣ, являющейся отличительной чертой и твердою основой нашей національности. Въ произведеніяхъ, въ которыхъ про-

явилось религиозное настроение, особенно ярко выразились светлые воззрения русского гения на жизнь, греховность человеческой природы и религию; светлой и великой силой является в его творениях религия—она очищает человека, возвышает над греховностью и облагораживает как отдельного человека, так и все человечество. „Религия“, сказала сам великий поэт, „создала в этом мире искусство и поэзию, все великое и прекрасное“.

На 26-е мая 1899 года.

Гнететъ-ли насъ тоска, какъ душный зной пустыни, —
Сомнѣнье-ль дерзкое намъ леденитъ сердца, —
Насъ трогаетъ, бодритъ и радуетъ донинѣ
Кристалльно-свѣтлый стихъ безсмертнаго пѣвца.

* *

И тщетно смятятся невѣжества морозы
Сковать поэзіи живительный родникъ, —
Воздушной музыкой среди обычной прозы
Попрежнему звучитъ намъ Пушкинскій языкъ!..

* *

Мы съ дѣтства ранняго привыкли слушать сказки
О рыбка, о царѣ Салтанѣ, о Балдѣ,
И ихъ намъ не забыть—какъ материнской ласки—
Ни въ счастья призрачномъ, ни въ горестной нуждѣ.

* *

О русской дѣвушкѣ, —мечтательной Татьянѣ, —
Бывало, въ юности, зачитывались мы...
Намъ Пушкинъ описалъ въ своемъ живомъ романѣ
Народный весь нашъ бытъ и прелести зимы.

* *

Онъ понялъ нашъ народъ и дивной силой слова
Вдохнулъ нашъ русскій духъ въ творенія свои;
Изъ тьмы прошедшаго онъ вызвалъ Годунова,
И въ даль вѣковъ текутъ стиховъ его ручьи...

* *

Великаго Петра трудолюбивый гений
Въ „Полтавѣ“ Пушкинымъ восторженно восиѣтъ;
И смѣло въ рабскій вѣкъ безправья и гонений
Свободу прославлялъ въ изгнаньи нашъ поэтъ...

* *

*

Хоть видѣть не пришло ему цѣней паденье
 Съ народа русскаго „по манію Царя“,
 Но онъ предчувствовалъ крестьянъ освобожденье
 И ждалъ, когда взойдетъ желанная заря.

„И долго будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу,
 „Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
 „Что въ свой жестокой вѣкъ возславилъ онъ свободу
 „И милость къ падшимъ призывалъ!..“

П. Н. Петровскій.

ПРОРОКУ.

Громя пороки рѣзкимъ словомъ,
 Не брезгай падшими людьми
 И нетерпимымъ, и суровымъ
 Ты къ нимъ не будь, но ихъ пойми;

Пойми причину ихъ паденья,—
 Повѣрь, что совѣсть въ нихъ жива,
 И, ставъ врагомъ ихъ заблужденья,
 Люби въ нихъ искру божества...

Блаженъ, кто и въ борьбѣ съ развратомъ,—
 Послѣднихъ не жалѣя силъ,—
 Преступнымъ не гнушался братомъ,
 Но понять все и все простилъ.

Борца такого обличенье
 Способно сердце намъ разжечь;
 Но безъ любви пророка рѣчь
 Родитъ одно ожесточенье!

П. Н. Петровскій.

